

УДК 94(470)“1918” + 94(100)“1918” + 94(470.5)“1918”

В. Д. Камынин
П. И. Костокрызов**РОЛЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ВОССТАНИЯ
В АКТИВИЗАЦИИ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ
ВЕСНОЙ — ЛЕТОМ 1918 г.**

В статье рассматривается значение восстания Чехословацкого корпуса для интернационализации Гражданской войны в России весной — летом 1918 г. Авторами вводятся в научный оборот новые источники, которые позволяют пролить свет на роль различных держав, оказавших влияние на вовлечение военнопленных бывшей Австро-Венгерской империи в противостояние различных политических сил в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Гражданская война в России, Чехословацкий корпус, Антанта, большевистское правительство, Уральский регион.

Поворотным событием в разворачивании гражданской войны на Восточном фронте стало выступление Чехословацкого корпуса против советской власти. В советской историографии оно даже признавалось официальным началом Гражданской войны и рассматривалось как главный фактор, обусловивший падение советской власти на территории Поволжья, Урала и Сибири летом 1918 г. Другим «общим местом» советской историографии являлось утверждение, что восстание было «спровоцировано представителями Антанты».

Классическая схема событий выглядела примерно так: планируя интервенцию против республики Советов, руководство Антанты решило использовать Чехословацкий корпус в качестве передового отряда интервенционистских сил. Окончательное решение о выступлении против советской власти было принято на совещании представителей Антанты, командования корпуса и правых эсеров 14 мая 1918 г. в Челябинске, а 25 мая начался «мятеж белочехов» [4, 176; 13, 180–182]. Непредвзятое изучение всего комплекса источников, ставших доступными в постсоветское время, позволило современным исследователям существенно скорректировать эту картину.

Не отрицая наличия у Антанты планов интервенции с участием Чехословацкого корпуса, необходимо все же отметить, что они не носили столь определенного характера, чтобы можно было бы говорить о выступлении корпуса как о вопросе решенном и тем более о «сигнале» к этому выступлению, данном на совещании 14 мая. Неизвестно, обсуждался ли вообще вопрос участия чехословацких легионеров в действиях против большевиков на этом совещании, достоверных данных об этом нет¹. Но из дипломатической переписки видно, что еще 16 мая английское Министерство иностранных дел рассматривало интервенцию как событие гипотетическое, которое могло и не произой-

¹ Ф. Д. Волков относит это совещание к 23 мая [2, 104]. В таком случае его решения уже никак не могли повлиять на ход событий: провокационная телеграмма Аралова, после которой чехословакам не оставалось ничего другого, кроме как защищаться с оружием в руках, была дана в тот же день.

ти, а 18 мая посол Франции Нуланс сообщал французскому представителю при Чехословацком корпусе (который был де-юре частью французской армии) майору А. Гинэ, что решение об интервенции принято, но начало ее назначено на конец июня [14, 88; 15, 61]. Кроме того, союзники в этот период пытались добиться разрешения советского правительства на интервенцию, так как направлена она должна была быть против немцев, а не против большевиков [2, 107]. Таким образом, восстание Чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая 1918 г., не было прямым следствием неких решений Антанты, доведенных до сведения чешских командиров 14 мая в Челябинске.

Главный вывод, который делают современные исследователи вопроса, заключается в том, что к «антисоветскому мятежу» чехословаков подталкивали не только антантовские представители и внутренние враги большевизма, но и само советское руководство. В самом деле, действия высокопоставленных большевиков по отношению к Чехословацкому корпусу выглядят как провокация.

В феврале выведенные с фронта части корпуса начали движение в направлении на Владивосток — с согласия советского правительства. 26 марта Совнарком устами И. В. Сталина внезапно потребовал полного разоружения чехословацких эшелонов, на что филиал Национального совета (орган, руководивший чехословаками в России), разумеется, не согласился. На следующий день было достигнуто компромиссное соглашение: каждому эшелону для самозащиты оставлялось 168 винтовок и пулемет. Но в тот же день Л. Д. Троцкий вновь приказывает местным властям полностью разоружить легионеров (этот приказ он повторяет по крайней мере еще один раз — 24 апреля), 9 апреля аналогичное указание дает Сталин, а 31 марта нарком иностранных дел Г. В. Чичерин по требованию германского посла графа Мирбаха рассылает телеграммы с приказом вообще остановить продвижение чехословацких эшелонов [15, 57–59; 26, 90–91]. Но на местах просто не было достаточных сил, чтобы противостоять пусть и вооруженным лишь частично, но вполне боеспособным регулярным войскам, и движение частей корпуса на восток продолжается, при этом, разумеется, учащаются конфликты с представителями советской власти, растет недоверие между ними и чехословаками.

Чем же объясняется столь странное поведение большевистского руководства? С одной стороны, конечно, давлением Германии, не желавшей появления у Антанты на Западном фронте дополнительных сил, однако германский фактор не объясняет явно просматривающееся в этих действиях подталкивание чехословаков к конфронтации. Напрашивается вывод, что большевики стремились использовать легионеров как своеобразный «детонатор» гражданской войны, который должен был «взорвать» общество, побудить всех врагов большевизма выступить открыто и тем самым дать большевикам повод нанести им ответный удар, который сокрушит их навсегда. Сама мысль о намеренном провоцировании гражданской войны правящей партией в собственной стране может показаться парадоксальной. Но в свете того, что говорилось выше о планах большевиков по строительству совершенно нового типа общества, для чего были необходимы радикальный разрыв со всей предшествующей исторической традицией и разрушение сложившейся общественной структуры,

она становится вполне понятной. Именно гражданская война является идеальным «инструментом» для «сноса» структур «старого мира» и одновременно подавления сопротивления всех его защитников. Конечно, она, как и любая война вообще, несет возможность поражения, но в чем большевиков никогда нельзя было упрекнуть, так это в неготовности идти на риск.

Итак, большевики, на наш взгляд, вполне сознательно толкали чехословаков на вооруженный конфликт, в эскалации которого советское руководство было заинтересовано не меньше, если не больше, чем страны Антанты.

Первый значительный инцидент произошел 14 мая на вокзале Челябинска. Металлическим предметом, брошенным из проезжавшего мимо поезда с бывшими военнопленными-венграми, был тяжело ранен чешский солдат. Его товарищи остановили поезд и убили виновника. Большевистская следственная комиссия, осуществлявшая дознание, арестовала 10 чехословацких солдат, направленная в Совет чехословацким командованием делегация (12 человек) была также арестована. В ответ 17 мая чехословацкие части вошли в город, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал (2800 винтовок и артиллерийскую батарею). Совет посчитал за лучшее освободить арестованных [3, 70, 71; 19, 9–23].

Большевистское руководство воспользовалось этим инцидентом как удобным поводом для дальнейшего обострения ситуации. 21 мая оно арестовало представителей Чехословацкого национального совета в Москве П. Максу и Б. Чермака. Первый из них был практически единственным в Национальном совете противником участия чехословацких легионеров в интервенции, так что его арест усилил позиции сторонников «жесткой линии» по отношению к большевикам. Арестантов заставили послать чехословацким эшелонам приказ сдать все оружие местным советским властям [14, 89]. Разумеется, эффект этого решения был обратным.

23 мая заведующий оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам Аралов телеграфировал в Пензу: «...Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские и рабочие артели» [Там же, 90]. Таким образом, легионеров планировалось не только разоружить, но и оставить на неопределенное время в России, да еще использовать в качестве «интернационалистов» в Красной армии или перевести вновь на положение военнопленных, в то время как их враги — немцы и венгры — на всех парах мчались домой, на Запад! Естественно, и этот приказ, невыполнимый для тех, кому он предназначался, стал еще одним провоцирующим фактором для чехов. Впрочем, возможно, для этого он и издавался.

Утром 25 мая произошло первое серьезное боестолкновение чехословацких войск с Красной армией: группа Р. Гайды атаковала Мариинск, но после непродолжительного боя было заключено перемирие. Но вечером того же дня Л. Д. Троцкий уже разослал свой печально знаменитый приказ № 377, по которому чехословаки объявлялись мятежниками, а все Советы от Пензы до Омска обязывались немедленно их разоружать. Каждый чехословак, который

мог быть обнаружен вооруженным на железной дороге, должен был быть расстрелян на месте. Эшелоны, в которых оказывался хотя бы один вооруженный, подлежали расформированию, а личный состав — интернированию в лагерь для военнопленных [14, 91; 26, 92].

С этого момента большевики и чехословаки оказались в состоянии войны, и обратного пути уже не было. Но цель этой войны для легионеров была весьма ограниченной: речь шла не о свержении советской власти, а лишь об обеспечении транспортировки подразделений Корпуса во Владивосток и далее на Западный фронт. Это подтверждается тем, что и после 25 мая чехословаки продолжали двигаться по-прежнему в восточном направлении, только теперь им приходилось пробиваться с боями, попутно ликвидируя советскую власть. Группа Чечека, заняв Пензу, без боя оставила ее и двинулась на Сызрань. Так же действовала группа Гайды в Иркутске. А самая многочисленная группа Дитерихса оставалась во Владивостоке, ожидая подхода остальных частей и не предпринимая никаких действий [14, 92–95].

Но очень скоро ситуация изменилась: к чехословацким войскам стали присоединяться русские повстанцы, которые видели в них сильных союзников в борьбе с большевизмом. Восстание Чехословацкого корпуса стало, таким образом, катализатором антибольшевистского движения на Востоке России, а сам корпус — центром (или скорее осью — в силу своего географического расположения) притяжения для всех участвующих в нем сил. Легионеры неожиданно для себя оказались вовлечены в русскую гражданскую войну, и неумолимая логика событий кардинально изменила их планы: вместо ускорения продвижения на Восток им пришлось задержаться в России и повернуть в противоположную сторону.

Во многих городах Сибири, Урала и Поволжья существовали подпольные антибольшевистские организации, которые помогали чехословакам в свержении советской власти. Они становились центрами формирования новых органов власти на освобожденных от большевиков территориях (Комитеты народной власти и т. д.) и начинали создавать вооруженные силы для продолжения борьбы. Сначала эти отряды имели вспомогательный характер при Чехословацком корпусе, но очень скоро на их основе образовались самостоятельные антибольшевистские армии. 10 июня в Омске после соединения челябинской и сибирской групп чехословаков состоялось совещание чешского командования с представителями вновь созданного Временного сибирского правительства. На совещании было принято решение о совместной борьбе с советскими войсками [12, 74–75], и после этого направление движения Чехословацкого корпуса изменилось с восточного на западное.

Объясняя успехи «белочешских» войск, советские историки склонны были преувеличивать их количество: назывались цифры в 45, 50 и даже 60 тыс. человек [5, 657; 6, 179; 10, 91]. Наиболее обоснованной представляется точка зрения Г. Д. Симонова, который определяет численность корпуса на момент восстания в 31 тыс. человек [27], причем группа генерала Дитерихса численностью в 13,5 тыс. штыков, сосредоточенная во Владивостоке, активного участия в боевых действиях против красных на начальном этапе не принимала.

В период развертывания интенсивных боевых действий чехословаки воспринимали войну с большевиками как продолжение Первой мировой, такой же была официальная позиция покровительствовавшей им Антанты [33, 151–167]. Большевики, в свою очередь, стремились показать себя защитниками страны от иностранного вторжения.

Обе стороны в своих политических заявлениях подчеркивали «интервенционистскую» природу противника: белые говорили о «немецко-большевистских» войсках (и для этого были основания: в Красной армии сражалось большое количество немцев и венгров — бывших военнопленных [11, 32], а с началом чехословацкого восстания большевики активизировали набор военнопленных в армию — от имени «ЦИК Коммунистической Партии иностранных Рабочих и крестьян Урала» выпустили воззвание к военнопленным, призывающее «с оружием в руках выступить против одураченных наемников реакции» [25, 143]), а красные — о «белочехах», лишь «через запятую» упоминая, как нечто незначительное, прочих «белогвардейцев».

Между тем уже к середине июня 1918 г. численность белогвардейских вооруженных формирований Урала и Сибири, объединенных в Сибирскую армию, была значительно больше численности действовавших вместе с ними чехословацких частей. Лишь в Поволжье чехословацкие войска в ходе всей кампании 1918 г. численно преобладали над Народной армией Комуча [27].

В ночь на 27 мая чехословаки заняли Челябинск, разоружив местный гарнизон. В городе был образован Комитет народной власти, куда вошли три казака, по одному представителю чехословаков, эсеров и меньшевиков, и восстановлена городская дума (с эсеро-меньшевистским большинством) [24, 1–2].

Профсоюз железнодорожников, как и в дни октябрьского переворота, попытался выступить посредником между большевиками и чехословаками. Железнодорожники, с одной стороны, задерживали поезда с войсками, двигавшимися на подавление восстания, а с другой — намеревались объявить забастовку на Челябинском узле, уже занятом чехословаками [23, 47; 24, 1–2]. Однако ни советская власть, ни повстанцы не готовы были идти на уступки и вести переговоры. Маховик гражданской войны раскручивался все сильнее, и попытки остановить его обеими сторонами воспринимались как саботаж. Под угрозой репрессий профсоюзные деятели вынуждены были оставить свои намерения.

Местное население, «почти целиком и полностью настроенное против большевиков» [29, 97], отнеслось к восставшим легионерам в основном «весьма сочувственно, даже восторженно» [28, 73]. Уральцы активно содействовали продвижению чехословацких войск, включаясь в борьбу с большевиками на территориях, которые те еще контролировали. Если не хватало сил поднять восстание, совершали диверсии на железных дорогах [18] и т. д. Так, южно-уральские железнодорожники устроили крушение около станции Баритная эшелону отряда красноармейцев, отступавшего от Златоуста. Затем отряд отошел на Кусинский завод, но и там столкнулся с «антисоветским настроением населения» [31, 104]. 1 июня на заводе началось восстание.

Усилилось сопротивление мобилизации в Красную армию. Например, в Сатке смогли «мобилизовать» лишь трех человек [8]. Если же и удавалось

набрать более-менее значительный контингент, это иногда приводило к результату, противоположному ожидаемому. Насильно мобилизованные жители села Покровского раскрыли фронт и помогли белым без боя взять Режевской завод (за это красные, по словам «Известий Екатеринбургской церкви», «подвергли обстрелу из двух броневигов село Покровское, сожгли около ста домов, учиняя над жителями, подобно турецким башибузукам, страшные зверства, разграбили и полуразрушили величественный Покровский храм» [9, 349]).

Важным центром Южного Урала был Троицк, взятие которого привело бы к соединению сил оренбургских казаков и восставших чехословацких легионеров и образованию единого фронта против красных. 13 июня Челябинская группа чехов полковника Войцеховского предприняла первую попытку взять город, но потерпела неудачу [20, 87]. 18 июня в результате совместного наступления чехословацкого батальона и отдельного артиллерийского взвода Оренбургского казачьего войска под командованием подъяесаула Печенкина красные были выбиты из Троицка [6, 20–21]. Как и во многих других населенных пунктах, местные жители оказывали поддержку наступающим белым частям: мемуары красноармейцев свидетельствуют, что когда они покидали город, в них из окон бросали бомбы [22, 71]. Чехов и казаков встречали как освободителей, представитель местных профсоюзов произнес приветственную речь [Там же, 33].

От Троицка части Войцеховского повернули к Златоусту. Первая схватка за этот город произошла еще 27 мая, когда местные власти, получившие известие о взятии Челябинска чехословаками, попытались разоружить чешский эшелон под командованием капитана Гордлички, в котором было около 800 легионеров. Чехи оказали сопротивление, завязался бой, в результате которого красные вытеснили чехословаков из города [21, 60 об.].

Лишь через месяц белые с помощью восставших крестьян Златоустовского уезда и жителей города заняли Златоуст. Был образован Комитет по восстановлению земского аппарата, в который вошли уездный агроном В. П. Селезнев (председатель), член городской управы Н. Т. Корнев и 9 крестьян из разных частей уезда, «оказавшихся к тому времени в городе» [8]. Комитет призвал земских служащих, уволенных или ушедших в отставку при большевиках, вернуться на свои должности. Вскоре в Златоуст вернулся председатель уездной земской управы Прокофьев, и комитет сдал все дела ему. Для координации действий военных и гражданских властей был создан Временный организационный комитет, в который, кроме членов земской управы, вошли представители профсоюзов, чехословацких и русских войск. Восстановление нормальной работы городского и земского самоуправления заняло более месяца: еще в августе в некоторых волостях продолжались пере выборы земств, многие гласные которых «лишились доверия населения благодаря их уклону в сторону советской власти» [10].

Пока чехи Войцеховского наступали на запад, в направлении Златоуста, пополнившийся в Троицке казачий отряд атамана Б. В. Анненкова (входил в состав Сибирской армии) повел наступление на Верхнеуральск — центр

второго округа Оренбургского казачьего войска. Одновременно к Верхнеуральску двигались три казачьих полка, сформированных в станицах Кундравинской, сбросившей советскую власть вскоре после восстания чехословацкого корпуса, и Уйской, освобожденной кундравинцами через несколько дней. Постепенно к восстанию присоединилось 11 станиц [17, 36]. Созданный восставшими станичниками орган власти — Военная комиссия под председательством бывшего члена Государственной думы П. П. Вопилова — призвал «под национальные знамена почти все способное носить оружие казачье население окрестных станиц» [7, 11–12].

Красные войска Ивана Каширина, засевшие в Верхнеуральске, отчаянно сопротивлялись. Каждый поселок на пути к Верхнеуральску казакам приходилось брать с боем, некоторые из них по два раза переходили из рук в руки, так же произошло и в Верхнеуральске: заняв город в первый раз, казаки не смогли его удержать, и только 3 июля каширинцы были выбиты из него окончательно [1, 80–82; 7, 15–22]. В тот же день казаки-повстанцы 1-го округа освободили Оренбург.

30 июня чехословаки и белые взяли Шадринск, 5 июля — Ашу и Сим, 6-го — Миньяр, 8-го — Юрюзань и Усть-Катав, затем Катав-Ивановск [8; 18; 31, 118]. Следующей целью стал Екатеринбург, в направлении которого были сосредоточены основные военные усилия белых на Урале [18].

С 14 июля большевики стали готовиться к тому, чтобы оставить Екатеринбург. Одновременно активизировалось антисоветское подполье, приступившее к формированию отрядов из офицеров и молодежи [16, 13–27]. Первыми ночью с 24 на 25 июля в город вошли оренбургские казаки, сражавшиеся в составе Сибирской армии [18; 31, 119]. Им активно помогали местные белоповстанцы во главе с подпоручиком В. М. Зотовым и штабс-капитаном А. А. Буровым, которые брали под охрану покинутые красными районы, арестовывали не успевших бежать большевиков и препровождали их в тюрьму, откуда выпустили пленных чехословаков и арестованных «контрреволюционеров» [16, 22–24]. «Местной буржуазией и интеллигенцией было устроено шествие с иконами, с пением “Боже, царя храни”... Интеллигентная молодежь, гимназисты и т. п. вооружались, кто чем мог» [30, 9].

Взятием Екатеринбурга и образованием здесь 1 августа 1918 г. Временного областного правительства Урала заканчивается активная фаза участия Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России. Чехословаки выполнили свою задачу: помогли интервентам и белым свергнуть большевистскую власть в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. Вскоре их место займут регулярные белые войска, хорошо вооруженные Антантой и насыщенные иностранными советниками. Чехословацкий корпус начнет свой исход из России, который закончится во Владивостоке только в сентябре 1920 г.

1. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937.

2. Волков Ф. Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопр. истории. 1971. № 2.
3. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Кн. 7.
4. Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. М., 1987.
6. Журнал военных действий 3 Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона за период с 28 мая по 1 октября 1918 г. / публ. А. В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 11.
7. Зуев А. В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом, 1918–1922 гг. : очерки. Харбин, 1937.
8. Златоустовский вестник. 1918. 10 июля.
9. Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 12–13.
10. История Сибири. Л., 1968. Т. 4.
11. Йожа А., Милеи Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977.
12. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война, 1918–1921. СПб., 2002.
13. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
14. Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
15. Константинов С. И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор Гражданской войны или возможность ее альтернативы? (Опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения : материалы регион. науч. семинара, 24–25 апр. 1999 г., г. Челябинск. Челябинск, 1999.
16. Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2004. № 14.
17. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984.
18. Наш путь. 1918. 4 июля.
19. ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 9–23.
20. Там же. Д. 158. Л. 87.
21. Там же. Д. 187. Л. 60 об.
22. Там же. Д. 231. Л. 33, 71.
23. Там же. Д. 279. Л. 47.
24. Там же. Д. 287. Л. 1–2.
25. Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Т. 3 : Октябрьский переворот на Урале. Свердловск, 1927.
26. Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 1 : История. 2005. № 2.
27. Симонов Д. Г. Чехословацкий корпус на востоке России в 1918–1920 гг. // Сибирская заимка : интернет-журнал. 2003. № 1. URL: http://zaimka.ru/01_2003/simonov_corps/ (дата обращения: 21.08.2009).
28. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1 : 1918–1922 : док. и материалы. М., 1998.
29. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 15. Л. 97.
30. Там же. Д. 189. Л. 9.
31. Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 473. Л. 104, 118.
32. Чешско-словацкий дневник. 1918. 3 июня.
33. Xydias J. L'intervention Francaise en Russie 1918–1919. Souvenirs d'un temoin. P., 1927.